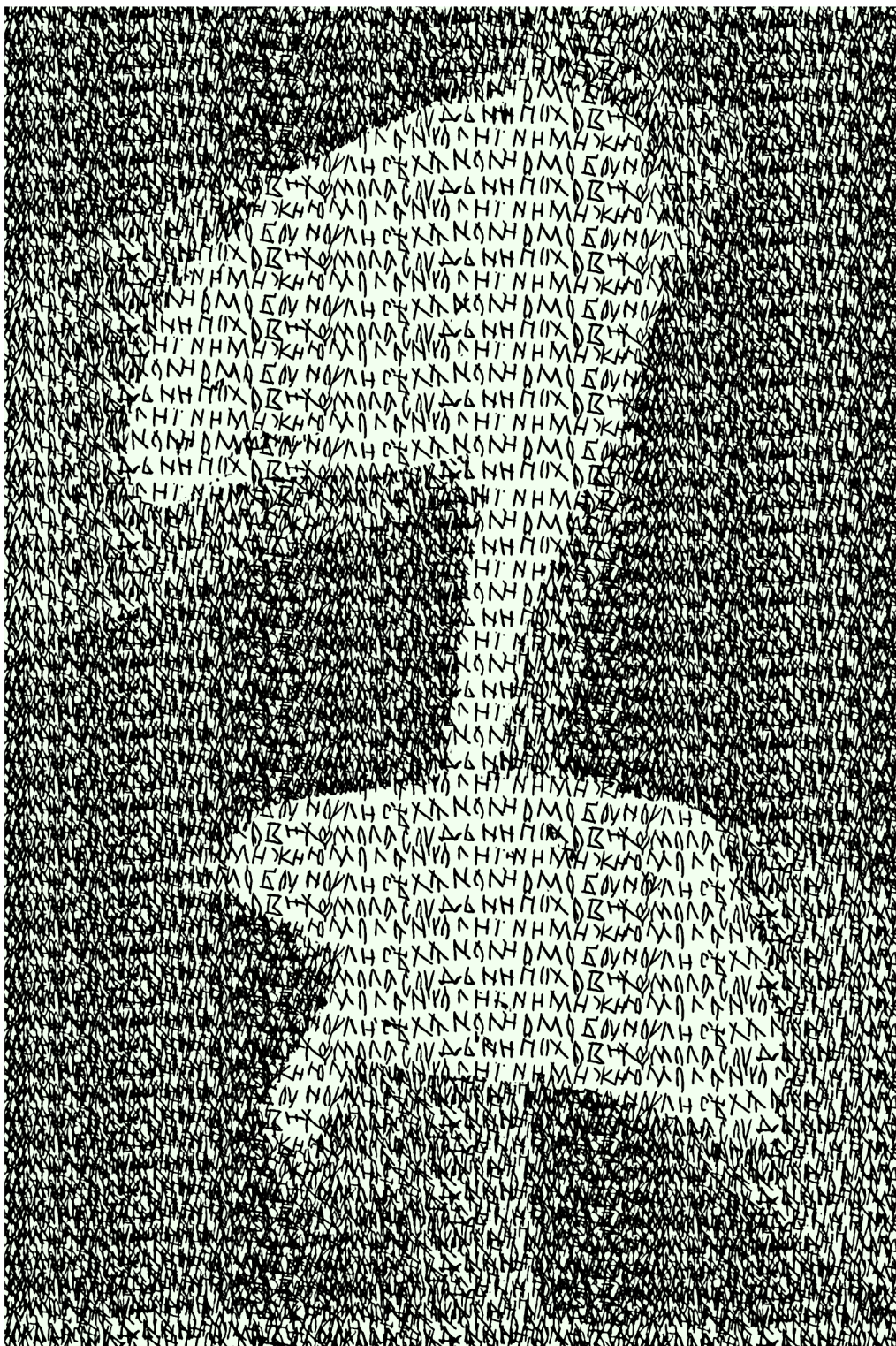

МЕЛИКА • MELIKA

© Sergej Zavjalov, Jukka Mallinen 2007

Ulkoasu Lauri Wuolio
Kannen riimut: ”Tuohikirjeestä” 292

ISBN 978-952-215-011-0

Teoksen toteuttamiseen on saatu tukea Ekla-säätiöltä Niilo
Helanderin säätiö on tukenut käännöstyötä

Valmistaja: BoD – Books on Demand, Norderstedt, Saksa

2007
ntamo, Helsinki, Finland
www.ntamo.net

Сергей Завьялов Sergej Zavjalov

МЕЛИКА • MELIKA

Suomentanut Jukka Mallinen

Перевод с русского Юкки Маллинена

ntamo, Helsinki

СЕРГЕЙ ЗАВЬЯЛОВ

Поэт Сергей Завьялов родился в 1958 году в Царском Селе под Петербургом. Возможно, это обстоятельство с самого начала послужило тем импульсом, который подтолкнул его на путь культурной археологии, к работе по извлечению финно-угорского материала из-под славянских наслоений, ведь само название «Царское Село» является искажением на русский лад изначального ингерманландского Сааримойсио.

Ко всему прочему предки Завьялова приехали туда из Мордовии, хотя по-мордовски дома к тому времени уже никто не говорил. Только в годы Перестройки у него проявится интерес к мордовскому, и он начнет ездить в родные края и пытаться учить язык отцов. Тогда он заговорит о конструировании идентичности и будет находить в этом конструировании поэтическое начало. К этому времени он уже получил университетское образование на кафедре классической филологии в Петербурге и стал зарабатывать на жизнь, преподавая латынь. Тогда же он обратил на себя внимание и как поэт. Позднее его книга будет издана в престижной поэтической серии «Премия Андрея Белого».

Первые публикации Завьялова состоялись на страницах самиздатских журналов «Предлог» и «Обводный канал» в 1985 и 1986 годах: свободный стих, необычная строфика, находящаяся как бы «в свободном парении», удлиненные строки, прерываемые паузами, сразу же привлекли к себе внимание. Это диссонировало с местной консервативной традицией.

Кроме того, тексты были наполнены не просто мрачными, но, скорее, траурными интонациями. Во всем этом был какой-то эсхатологический настрой, передававший читателю ощущение крушения, потерянности, душевного слома, а культурный ландшафт этих стихов, их историческая укорененность, включая в себя Саранск, Москву, Петербург, Финляндию, Древнюю Грецию.

С одной стороны – архаические ноты «высокого», гомеровские и пиндаровские приемы, содержащие в себе археологию поэтических форм от греческого треноса до русской классики, переведенной на современный язык.

С другой стороны – техника авангарда создавала ощущение конфликта: это была секуляризация сакрального материала. Культурно почти уже мертвое посредством очуждения и реактуализации начинало вновь дышать и пульсировать в серости настоящего.

SERGEJ ZAVJALOV

Runoilija Sergei Zavjalov syntyi vuonna 1958 Pietarin lähellä Tsarskoje Selossa. Tämä oli ehkä oireellista hänen suuntautumiselleen kulttuuriseen arkeologiaan ja suomalais-ugrilaisuuden kulttuuristen ruukunkappaleiden kaivelemiseen venäläisyyden alta. "Tsarskoje" eli Tsaarikylä nimittäin on vääntynyt venäläisestä Sarskoje Selosta, joka kuvastaa alkuperäistä inkeriläistä nimeä Saarimoisio.

Zavjalovin vanhemmat olivat muuttaneet Mordvasta, mutta mordvalaisuudesta ei puhuttu kotona koskaan. Hän kiinnostui perestroikan myötä mordvalaisista juuristaan, alkoi käydä kotikylässään ja opetella isiensä kieltä ja perinnettä. Zavjalov sanoo konstruoineensa itselleen mordvalaisen identiteetin ja löytäneensä sen myötä taiteellisen identiteettinsä. Hän on valmistunut klassisten kielten ja kirjallisuuksien laitoksesta Pietarin yliopistosta ja elättänyt itseään latinan opettajana. Hän on saanut Venäjän huomattavimman nykyrunouden tunnustuksen, Andrei Belyi -palkinnon.

Zavjalovin ensimmäiset julkaisut olivat Leningradin maanalaisissa monistetuiissa kirjallisuuslehdissä "Predlog" 1985 ja "Obvodny kanal" 1986. Vapaa-mittainen runo, epätavallinen "irti varisteltu" säkeistömuoto ja suuret rivejä hajoittavat tauot kiinnittivät jo silloin huomiota. Paikallinen perinne tunnisti dissonanssin, katkoksen pakollisiin kuvioihin.

Usein teksteissä löytyy elegia eli surulaulu. Sitä liikuttaa eskalotologinen tunne – alkulähteistä irtoamisen ja eksymisen järkytys. Niiden kulttuurinen maantiede on lujasti yhteisessä maailmassamme ja historiassamme kiinni: maisemina on Saransk, Moskova, Pietari, Baltia ja Suomi, antiikin Kreikka ja Theeba.

Toisaalta näkyviin häivähtävät "korkeat", perinteiset juonet aina Homeroksesta ja Pindaroksesta saakka. Ne sisältävät runollisten muotojen arkeologiaa kreikkalaisesta trenoksesta venäläisten klassikkojen "käännöksiin" nykykielelle.

Tekstin kentää hallitsee yhteentörmäys: avantgardistinen tyyli ja arkaainen materiaali eli sekularisoitunut tai postmodernisti hajonnut muoto ja sakraali aines jännittyvät äärimmilleen. Kulttuurisesti lähes kadonneiden jälkien vieraannuttaminen ja uudelleenaktualisointi hätkäyttävät nykyajan harmaudessa.

Здесь были и ирония, и порыв, и идеализм и трансценденция, а в центре – разрушение вечных символов, сальто-мортале между самим стихом и его содержанием, свидетельствующее о недостаточности и неполноте, может быть даже об ущербности «модерна» в новых обстоятельствах. Это – противоречие между цифровым нелинейно-языковым потоком и аналогово-тотальным «жизнеощущением».

Эксперимент направлен еще в одну сторону: Завьялов пишет циклами, и в каждом цикле заключен концепт, изначальная идея, которую текст в дальнейшем варьирует и развивает. Это напоминает современную академическую музыку, в которой каждая композиция создает сначала свой композиционный язык, который затем конкретизируется в музыкальном материале (Завьялов, между прочим, неплохо ее знает).

В современной финской поэзии с подобным явлением мы сталкиваемся у Лееви Лехто. В послесловии к его поэмам «Онежское озеро» и «Стрельба из летящей ракеты» автор разъясняет, на каких внутренне-формальных концептах он всякий раз основывается.

В таком же духе трактуется все, что относится к традиционной русско-советской духовности. Завьяловская финно-угорскость – не что иное как реакция на общие места «православного ренессанса» 1980-х. Впервые в России он внес в поэзию постколониальную проблематику, напомнив о ставших фундаментальными для русской культуры началах: иерархичности, аристократизме, недемократичности, началах, которые позволяют заметить финно-угорского «другого». Это стало поворотом в сторону культурно обездоленных: двуязычие и миноритарность стали не просто творческим принципом, но и новым словом в литературе.

В окружающей действительности Завьялов нащупывает разрушенные реликты финно-угорского: он включает их в героическое время рядом с классическими сюжетами и романтическими сюжетами польской или русской поэзии. Так баллада об инязоре Тюштыне транспонируется на героический язык, но с финно-угорским акцентом, сквозь зубы..

В цикле «Берестяные грамоты мордвы-эрзи и мордвы-мокши» русский язык – язык-оккупант, язык-насилник. Это – текст-инсталляция, в котором русский вдребезги разбивается о мордовский. Мордовское сознание рвется и кричит от боли, истребление памяти и языка оборачивается невыносимо уродливым пиджином.

Tässä on ironia ja kaipaus, idealismi ja transsendenssi. Ikuisten symbolien pilaantuminen ja variseminen nousee keskeiseksi. Tämä tyylin ja sanottavan välinen salto mortale ehkä puhuu myös ”modernin” riittämättömyydestä ja epätäydellisyydestä, haavasta nykysielussa: se on ristiriita digitaalisen, kielellisen epäjatkuvuuden ja analogis-totaalisen ”elämäntunnon” välillä.

Toisaalta niissä on suuntaus eksperimenttiin. Zavjalov kirjoittaa sarjoja, ja jokaisessa sarjassa on konsepti, perusidea, jota konkreettiset tekstit varioivat ja kehittelevät. Tämä muistuttaa nykyaikaista konserttimusiikkia, jossa jokainen sävellys luo ensin oman sävelkielensä, joka konkretisoidaan ääneen. Zavjalov onkin perehtynyt nykymusiikkiin syvällisesti.

Suomalaisessa nykyrunoudessa samaa poetiikkaa soveltaa Leevi Lehto, joka kokoelmiensa *Ääninen* ja *Ampauksia ympäripyörivästä raketista* jälkisanoissa eksplikoi, mistä sisällöllis-muodollisesta konseptista kukin teksti on generoitu.

Tästä Zeitgeististä löytyy myös perinteinen neuvostovenäläinen henkisyys. Zavjalovin hakeutuminen suomalais-ugrilaisuuteen voidaan nähdä reaktiona 80-luvun ”ikävään ortodoksista renessanssia kohtaan”. Ensimmäisenä Venäjällä Zavjalov nostaa esiin postkoloniaalisen problematiikan muistuttamalla venäläisen kulttuurin syvään juurtuneesta hierarkkisuudesta, aristokraattisuudesta ja epädemokraattisuudesta, joka tekee suomalais-ugrilaisen ”toisen” näkymättömäksi. Hän kääntyy kulttuuristen plebeijien puoleen. Kaksikielisyys ja minori-täärisyys, vähemmistökansallisuus merkitsevät paitsi luovaa periaatetta myös uutta raikasta alkua kulttuurissa.

Maisemasta Zavjalov haparoi raunioituneita suomalais-ugrilaisuuden jään-teitä: hän napsii sankariaiheita paitsi klassisesta aiheistosta myös esimerkiksi puolalaisesta sankarirunoudesta ja jopa venäläisestä kansallisromantiikasta. Romanssi inäzor Tyštänista transponoi ne suomalais-ugrilaiseksi herooiseksi runoudeksi – kieli poskessa.

Sarjassa ”Ersän ja mokšan tuohikirjeitä” venäjä on miehittäjä- ja raiskaaja-kieli. Kyseessä on teksti-installaatio, jossa venäjä törmää mordvan sirpaleisiin. Mordvalaisen identiteetin riisto ja särkyminen, muistin ja kielen tuho ja kuva-taan käyttämällä rujoa pidgin-venäjää.

Полурусский язык соединяется в них с звучащими осколками подлинных мордовских песен. Завьялов как-то говорил, что его стихи формально – постмодернистские, но по своей сути – модернистские: так «берестяные грамоты» формально содержат в себе иронию, изломанные и разрушенные смыслы, торчащие остовы абсурда, тогда как модернизм присутствует в них как возможность: текст не обнаруживает ни нигилизма, ни самодостаточной формальной игры, но прямоту древней трагедии.

В произведениях Завьялова обнаруживается предельное разрушение речи, рассыпание ее на мельчайшие частицы, фрагменты и отрезки. Асимметрия создает напряжение между формой и содержанием. Композиция использует все средства; как, например, два, находящихся в напряженном противоречии один к другому столбца, в которых возникает полемика между двумя голосами: мужчины и женщины или героя и трикстера. Пропасть между ними больше и напряженнее, чем это было бы приемлемо для их сохранения в пространстве стиха: и они действительно меняют свою природу. Иногда Завьялов имитирует реконструкцию фрагментов древних манускриптов. В раннем цикле «Книга разрушений» можно обнаружить поэтику текста-руины: текст рождается в момент разрушения речи.

Но и в этом случае перед нами все же не нигилистическое разрушение формы, но ее позитивное развитие. Чарльз Олсон утверждал в манифесте 1950 года «Разъятый стих» идею разомкнутой формы, открытой, пространственной композиции (field-composition). Дыхание с его спонтанностью преобразует окостеневший модернизм, заявляет Олсон: «Я полагаю, что разомкнутый стих дает нам урок: действенна лишь та поэзия, в которой поэт сумеет запечатлеть как приобретения своего слуха, так и перепады дыхания».

Завьялов вернул человеческое измерение метафоричности, и в этом заслуга его минимализма. «Руинизм», усилившийся в 1990-е годы соединением с минималистской техникой, порождает новую органику, которая крепнет после начавшихся интенсивных связей с Финляндией, а потом и переездом в Хельсинки. В этом минимализме всё отчетливей интонация частных высказываний, и пустое пространство между ними всё

Soinnikkaisiin mordvalaisen kansanrunon sirpaleisiin liittyvät niiden puollittaiset käännökset venäjäksi. Zavjalov on sanonut, että hänen runonsa ovat muodoltaan postmodernistisia, mutta sisällöltään modernistisia – ”tuohikirjeetkin” noudattavat postmodernismia ironioineen, merkityksen luhistumisineen ja katkoksineen, töröttävine muodon rankoineen. Modernismia lienee se, että teksti ei ilmaise nihilismia, vaan vanhanaikaista vilpitöntä tragediaa.

Erityistä Zavjalovilla on puheen äärimmäinen hajaantuneisuus, muruiksi variseminen, fragmentti ja katkelmallisuus. Asymmetria jännittää konfliktin muodon ja sisällön välillä. Kompositio ottaa käyttöön koko sivun, esim. kaksi vastakkaista, jännitteistä palstaa, joista nousee kaksi kiistelevää ääntä, nainen – mies tai pateettinen – triksteri. Katkokset ovat paljon isompia ja jännittyneempiä kuin yleisesti hyväksytyssä runoudessa – ne muuttuvat materiaalisiksi. Joskus Zavjalov jäljittelee muinaisten käsikirjoitusten katkelmia ja rekonstruktioita. Varhaisessa sarjassa ”Hajoamisten kirja” havaitaan teksti-raunion poetiikka: teksti syntyy hajoamisen hetkellä.

Kyseessä ei kuitenkaan ole nihilistinen muodon hajottaminen vaan positiivinen liikahdus. Vastaavasti Charles Olson julisti 1950 manifestissa ”Projektiivinen säe” hajotetun muodon idean (*field composition*) eli ”avoimen komposition, tila-komposition”. Sen spontaani hengitys uudistaisi kangistuneen modernismin, ajatteli Olson: ”Projektiivinen säe opettaa, että ainoastaan säe, joka onnistuu rekisteröimään sekä runoilijan korvan löydökset että hänen hengityksensä paineen, voi kelvata runoilijalle.”¹

Zavjalov on palautunut maan pinnalle myös köyhän kuvallisuuden, minimalismin ansiosta. ”Ruinismi” kasvaa 90-luvulla ja uusi yhteys syntyy minimalismista, joka on vahvistunut yhteyksistä Suomeen ja muutosta Helsinkiin. Tässä minimalismissa yksityisten sanojen paino on yhä suurempi ja tyhjä tila niiden välillä yhä painavampi ja puhuvampi. ”Keskenäisistä käännöksistä” voi aavistella vihjauksia mm. Sibeliukseen ja Gallen-Kallelaan.

1 Charles Olsson: ”Projektiivinen säe”. Kääntänyt Henriikka Tavi Touko Sauhun avustuksella. *Tuli&Savu* 1/2006.

весомее и значимее. В цикле «Из невыполненных переводов» можно расслышать аллюзии на произведения Сибелиуса или Галлена-Каллела.

Авторская стратегия, направленная на демонтаж «империи», приводит, между тем, к расшатыванию европейской цивилизации как таковой. Это особенно заметно в текстах «Время уничтожения» и «Последняя запись в судовой журнал», в которых отразились поездки в Освенцим и современную Грецию.

Виктор Кривулин, анализируя картину русской поэзии в 1997 году писал: «В будущем последнее слово, скорее всего, останется за поэтом, который мог бы найти баланс между двумя полюсами, представленными Бродским и Айги. Именно таким балансом видится мне работа Сергея Завьялова».

Финский читатель узнает в Завьялове свое: финно-угорскую мрачность, музыку, порождаемую мраком и тоской полярной ночи. Во многих стихах и циклах мы видим, как летнее цветение оборачивается холодом, приносится в жертву снегу и льду. Он обнажает нашу арктическую душу, решающую последние вопросы среди ледяной враждебной равнины. Но и в элегичности полярной ночи «остается красная черта»¹ или как у Завьялова: «огненная полоса на воде / от заходящего солнца».

Одновременно мы сталкиваемся и с другой чертой, роднящей мордовскость с финскостью и классической античностью, которую увидел Отто Маннинен в знойном «Июле»: девушки, укрывшиеся в узкой протоке – как новое рождение Афродиты. Для него, как и для Завьялова, водная стихия летнего севера стала минутным отсветом Эллады в ожидании мороза и смерти:

В стране, где завтра холод всё умертвит,
погребет под снегами,
трепещут созвучия красоты,
радости, тайны, печали.

1 Имеются в виду строки Эйно Лейно:
jää punajuova / kauneuden voimaton kaipuu
остается красная черта / (как) бессильная тоска по красоте.

Runoilijan "imperiumin" purkamiseen suuntautunut projekti on samalla johtanut koko eurooppalaisen sivistyksen horjuttamiseen. Tämä näkyy mm. teksteistä "Tuhoamisen aika" ja "Viimeinen muistiinpano lokikirjaan", joiden takana hämmöttävät vierailut Auschwitzissa ja nyky-Kreikassa.

Viktor Krivulin totesi venäläisen runouden näkymistä vuonna 1997: "Tulevaisuudessa viimeinen sana tulee ilmeisesti kuulumaan runoilijalle, joka pystyy löytämään tasapainon kahden navan, Brodskyn ja Aigin edustamien välillä. Juuri sellaiselta tasapainolta minusta näyttää Sergei Zavjalovin työ".

Suomalainen tunnistaa Zavjalovissa oman ja kotoisen ugrilaisen synkeyden, tangonhuuruisen kaamoksen ja suruista tehdyn soiton. Monessa runossa ja sarjassa kesäisen luonnon kukoistus on tuomittu kylmän, hangen ja jään uhriksi. Hän paljastaa arktisen sielumme, ääriolosuhteiden muovaaman, tänne jäisille vihollisille lakeuksille heitetyn. Mutta elegisessä kaamoksessa "jää punajuova" eli Zavjalovilla "vedessä tulen juova/ laskevasta auringosta".

Samalla tapaa toinen suomalaisuuden ja klassisen antiikin väliä käynyt ugri, Otto Manninen näki hehkuvalla "Heinäkuunsäällä" neitoja salmen suulla hunnutonna – se oli Afroditen uusi synty. Hänelle kuten Zavjalovillekin pohjolan suven vesiluonto heijasti hetken hehkua Hellaan lailla, vaikka pakkasen ja kuolema on odottamassa:

Maassa, min kohta jo kytkee jää,
hankien alle mi haipuu,
kauneus, kauneus helkähtää,
maa ilo, ihme ja kaipuu.

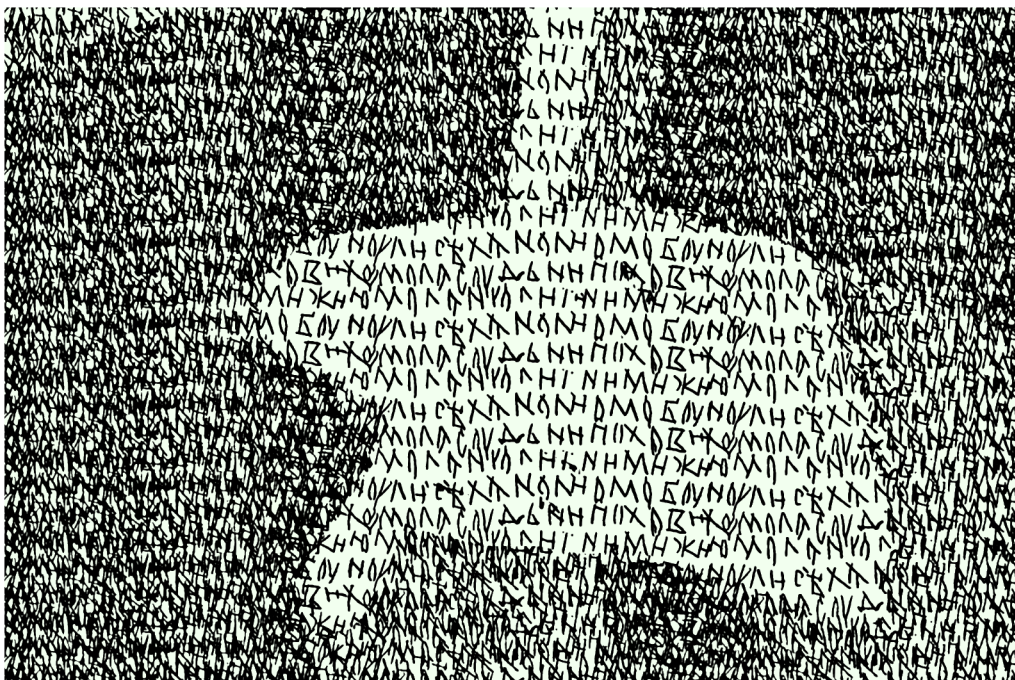
Jukka Mallinen

**ПО НАПРАВЛЕНИЮ К ДОМУ
KADONNUTTA KOTIA ETSIMÄSSÄ
1987–1990**

S. ERSIA

Учись у них: у дуба, у березы
Фет

Старики в высоких шапках
 кора морщин глаз угадываемость
 они в могучих стволах укрываются
 от пронизывающих ветров перемен
 Великий мордвин резцом провел
 границы их бессмертий
 Живой душой войти
 в ствол нации

Hajonneet juuret mordvalaisessa muinaisuudessa – ”postmoderni” pirstaleinen ilmaisu. Kuvitteellinen yhtenäinen ”Venäjä” ja pienten alkuperäiskansojen lähes yhtä kuvitellut identiteetit. Suomalais-ugrilaisuus ja kreikkalais-roomalainen antiikki pelastususkontoina – kuten Otto Mannisella, mutta kieli poskessa. ”Maailma on muuttunut, valtiot ja niiden rooli maailmassa muuttuvat, on tullut aika myös itse KANSAKUNNAN käsitteen muuttua.”

Sergej Zavyalov on syntynyt vuonna 1958 Tsarskoje Selossa ja sukujuuriltaan mordvalainen. Hän on Venäjän huomatuimpia runoilijoita (mm. arvostettu Andrei Belyi palkinto v. 2002) ja asuu nykyisin Helsingissä.

Корни, уходящие в мордовские древности, в сочетании с фрагментарностью «постмодерна». Мнимая однородность понятия «Россия» и малые коренные народы, почти полностью утратившие свою идентичность. Финно-угорскость и греко-римская античность в качестве спасительной веры – как у Отто Маннинена, но «сквозь зубы». «Мир изменился, меняются государства и их роль в нем, пришло время измениться самому понятию НАЦИЯ».

Сергей Завьялов родился в 1958 году в Царском Селе в семье выходцев из Мордовии. Он – известный в России поэт (в 2002 его книга вышла в престижной серии «Премия Андрея Белого»). В настоящее время живет в Хельсинки.

